

Б. А. Ребиндер

# Про Макателем — имение Карамзиных

*Записки эмигранта*

**От редакции.**

Предлагаемая читателям статья Б. А. Ребиндера выходит в свет через восемь лет после ее поступления в редакцию.

В основу материала положены мемуары родной сестры бабушки Б. А. Ребиндера Н. В. Оболенской — жены А. Н. Карамзина, сына русского историка.

Борис Александрович Ребиндер — человек сложной судьбы. После октября 1917 г. он вместе со своими родителями оказался в эмиграции. Работал инженером. Получив пенсионное содержание, стал заниматься языкознанием. Автор ряда научных трудов по этой теме, теперь хорошо известных советским специалистам. Присланные им воспоминания об одном из российских имений являются интересным историческим материалом, составленным автором со слов своих соотечественников, переживших трудные годы на чужбине, но сохранивших светлые чувства к своему Отечеству.

В 1988 г. Б. А. Ребиндер скончался во Франции.

За непосильное дело принимаюсь я. Вполне это сознаю, но когда раздумаю о возлюбленных моих родственниках, близкое знакомство, и, могу сказать, дружба с которыми составляла столь дорогие для меня воспоминания, — все больше хочется собрать эти воспоминания воедино. Хочется, чтобы остался для моих и их молодых родственников если не яркий, то хоть понятный облик этих чудных людей: Александра Николаевича Карамзина и жены его Натальи Васильевны, рожденной кн. Оболенской. Она была моей родной теткой — сестрой покойной матери моей, княжны Софьи Васильевны Мещерской, также рожденной кн. Оболенской.

О молодости Натальи Васильевны рассказывать особенно нечего. Она росла в Москве при рано овдовевшей, обожаемой всеми детьми матери княгине Екатерине Александровне, рожденной граф. Музиной-Пушкиной. На лето вся семья их переезжала в небольшое, но очень любимое ими имение Ольги Юхновского уезда Смоленской губернии. Наташа была младшей из семи детей. Училась, конечно, дома, с гувернанткой, очень милой Laure Welche, выписанной бабушкой из Швейцарии, по горячей рекомендации ее пастора в Лозанне.

Не могу не рассказать, кстати, подробности этого приезда в Россию швейцарки, прожившей в семье Оболенских много лет, оказавшей, конечно, большое влияние на склад характера и склонности Наташи и оставшейся в дружбе с ее семьей на всю жизнь.

Бабушка просила прислать ей для воспитания младшей дочери серьезную девушку, но отнюдь не слишком молодую и красивую,

так как у нее было тогда уже четыре сына на возраст. Выехала из Швейцарии поздней осенью, конечно, не в шубке, а лишь в суконой кофточке. Ехала она в дилижансе и доехала до места назначения уже зимой в сильные морозы, причем сострадательные спутники не раз обкладывали ее в дилижансе сеном, опасаясь, что она замерзнет. И вот наконец доехала она до Москвы и зашла в дом, где ее давно ожидали.

Бабушка тотчас вышла к ней навстречу, но, взглянув на нее, всплеснула руками, воскликнув: «Как, да ведь я просила особу не молодую и не хорошенькую!»

Можно себе представить отчаяние молодой девушки, изнуренной дорогой, сознающей себя столь одинокой на далекой, чужой стороне. Рыдая, упала она в близстоящее кресло, представляя себя уже отправленной со стыдом обратно, как совсем неподходящую особу. Конечно, бабушка и дочери тотчас окружили ее заботами и лаской. Вскоре убедились все, что это чудная серьезная девушка, истинная христианка и самой высокой нравственности.

Я была у нее в Швейцарии четверть века спустя. Она была уже вдова господина Маеух. Жила в прелестном имении близ Лозанны и тщательно воспитывала своего единственного сына — красивого, похожего на мать юношу.

Когда ее воспитанница была лет двадцати, они с матерью жили уже вдвоем в Москве. Сестры ее были замужем, а братья служили в Петербурге. Был великий пост. Обе — и бабушка и Наталья Васильевна говели и приобщались святым таинством, как раз в тот день, когда Александр Николаевич Карамзин, проездом из деревни в Петербург, остановился в Москве и заехал с ними повидаться.

Наталья Васильевна, в белом платье, счастливая и спокойная после принятия святых таинств, произвела на него совсем новое впечатление. Он часто видал ее и раньше, будучи дружен с ее братьями, но тогда она казалась ему лишь веселой, оживленной — но почти девочкой. На этот раз он взглянул на нее совсем иначе и по приезде в Петербург не скрыл этого от матери, с которой был в самых искренних и дружеских отношениях.

Княгиня Оболенская следующей зимой приехала в Петербург, где служили ее сыновья. Заметив, как ласково относятся к ее дочери Николай Михайлович Карамзин и его жена, она поняла судьбу, ее ожидающую, и сознавала, как счастлива была бы отдать свою дочь за Александра Николаевича, которого давно знала и любила.

Вскоре он снова появился в Петербурге, встретился с Наташей, и при самых счастливых условиях свадьба их в том же году и состоялась.

Детство и молодость мужа Наташи прошли

гораздо более блестящим образом, чем ее юность. Отец его, знаменитый историограф, Николай Михайлович Карамзин, был, как известно, из числа самых приближенных ко двору императора Александра Павловича, а затем и Николая I. Он с женой, а впоследствии и с детьми проводил лето в Царском Селе, в так называемых «китайский домиках», куда приглашались самые симпатичные и уважаемые царями особы и их семейства.

Еще в 1812 г. Карамзин читал части своей «Истории государства Российского» сестре императора, принцессе Ольденбургской, в Твери, где она тогда во дворце проживала из-за деятельности принца, ее мужа, по мобилизации наших войск. Карамзин часто бывал в Твери проездом из Петербурга в Москву, собирая материалы для продолжения своего труда, причем все архивы были ему, конечно, открыты. Семья же его оставалась в Петербурге или в Царском Селе, и сыновья его, будучи ровесниками с великими князьями, постоянно бывали приглашены во дворец и находились с великими князьями в товарищеских отношениях.

Помню, дядя рассказывал, как однажды мяч их застрял на одной из люстр залы, где они играли. Юноши стали прыгать, но не могли его достать. «Обопрись о мое плечо», — сказал государь (Николай Павлович). Дядя прыгнул — и вдруг государь охнул, отошел и стал закрывать лицо рукой. Оказалось, что дядя изо всей мочи оперся как раз о ключицу, которая была сломана при падении царя из экипажа. Дядя страшно испугался: жаль было государя и думалось: что же это — немилость, наказание?

Но государь тотчас же оправился и велел продолжать игру. Я рассказала это пустяковое событие, чтобы показать близость сыновей Карамзиных ко двору, причем Александр Николаевич был особенно близок, можно сказать дружен с наследником, цесаревичем Александром Николаевичем.

Сыновья Карамзины окончили образование вполне классическое, причем древние языки, особенно латинский, были пройдены в совершенстве, и Александр Николаевич поступил на службу, что не мешало ему вместе с тем вести самый светский образ жизни. При этом он не мог не сделаться душой общества. Высокий, красивый, с чудными синими глазами и здоровым цветом лица, он был всегда оживлен, весел и замечательно остроумен.

Уже немолодым, когда, бывало, приезжал он с женой к нам в деревню, весь дом тотчас оживлялся и мы, дети, страшно радовались их приезду. Он шутил, рассказывая, смешил всех обыкновенно на чудном французском языке. Рассказал однажды, как они, сыновья нашего историографа, почерпнули первые уроки русской истории из французской книжки, которую читали со своим дядькой-французом. Между прочим: «le Czar Jean IV, jurnomme Vassilievitch pour sa granore cruaute» (царь Иоанн IV прозванный «грозный» за его ужасную жестокость).

Несколько лет продолжалась его холостая светская жизнь в Петербурге, а также и в Москве, где он жила в доме деда моего князя Мещерского, с сыновьями которого был дружен так же, как и с будущими родственниками — Оболенскими.

В Петербурге он имел самое блестящее

положение, особенно из-за близости к наследнику цесаревичу. Как ни весело, однако, проводил он время, но понемногу настоящая духовная жизнь в нем пробудилась. Истинный сын своего отца, столь высокого патриота, проникнутого такой живой любовью к России и народу русскому, Александр Николаевич через несколько лет, когда ему минуло года 24, стал все менее удовлетворяться и службой и окружением и сказал родителям, что вести долгие свой образ жизни положительно не может. Желанье его было бы получить от них одно из их имений и ехать управлять им и жить в деревне, где, казалось ему, присутствие помещика должно быть особенно полезно. Через несколько времени, убедившись в серьезности его намерений и вообще взглядов на жизнь, родители решили отделить ему большое имение Макателем Ардатовского и Арзамасского уездов Нижегородской губернии.

Пригласив ехать туда с собой доктора и отличного садовника-немца, Александр Николаевич отправился туда с прислугой и, конечно, в своих экипажах и на собственных лошадях. Господа в Макателеме не ждали, и никаких приспособлений к мало-мальски культурной жизни ожидать там не приходилось.

Поселился молодой помещик в двух беленых избах, соединенных сенями. Там он и принялся за самую кипучую деятельность. Однако не управление имением легло в основу ее да так и осталось на всю жизнь. Не помышляя еще о постройке дома, он утвердил проект большого сада, составленного садовником.

С доктором же он разработал план больницы, которая тотчас и была построена и оборудована. На селе возникла школа. Школьное дело облегчило ему то, что в Нижегородской губернии, не так, как, например, в Московской, Тверской и других, крестьяне были расселены во множестве небольших деревень. В карамзинском имении находилось только три села: Малый Макателем, Большой Макателем и еще одно село. Оттуда в большую школу легко могли приходиться все дети школьного возраста. Это непрременное требование этого помещика было осуществлено на целые десять лет раньше, чем в других местах Российской империи, т. е. то пресловутое обязательное народное образование, которое с таким трудом продвигалось вперед в то и в последующие царствования.

Больницы, как и школы, были также построены при каждом селе. Фельдшера оставались при них лишь трезвые и добросовестные, а молодой доктор, приобретавший все более ответственности, посещал их постоянно.

Очень скоро убедились, как безобразно происходят роды в крестьянских избах. В каждом селе на задворках было устроено по большой избе вдоль стен ее и с печью со вделанным в нее большим котлом для горячей воды. По выбору доктора несколько подходящих женщин были посланы в Нижний, для обучения там в несколько месяцев основным знаниям повивального искусства.

Вскоре крестьянки стали сами приходиться в эти избы, когда «наступал их час». Оставались они там несколько дней и возвращались со своим младенцем домой уже оправившиеся и избежавшие всех ужасов, причиня-

емых неумелыми, дикими приемами их старух, — приемами, от которых так часто погибали и здоровые матери, и сами их младенцы.

Так прошло несколько лет. Больницы и школы были оборудованы или строились. Сад был засажен и радовал своим ростом и начинающейся красотой. Розы в изобилии благоухали в клумбах вдоль дорожек и среди лужаек вблизи дома. Через дорогу, невдалеке от обиталища хозяина, против первой больницы, был посажен другой сад и среди него — огромный пруд, питаемый небольшим ручьем-речкой, протекающей по ложбине близ села. В больнице была устроена домовая церковь, в которой назначенный туда особо причет прекрасно исполнял божественные службы.

Жизнь была полна дела и хлопот, но чего-то все же недоставало! Во-первых, полное отсутствие общества — обмена мнений с развитыми людьми — все же давало себя чувствовать. Соседей близких не было. Да и далеко не сочувственно относились соседи ко всем начинаниям Карамзина. Они считали их блажью молодого богача, транжира, которая до добра его не доведет. И вот Александр Николаевич стал чувствовать, что все же «не добро быть человеку одному».

Как я уже упомянула, при проезде через Москву образ княжны Натальи Васильевны Оболенской запал ему в сердце. Чувство это не только не изгладилось, но вылилось в глубокое желание иметь именно ее подругой той жизни, которую он избрал и которая пришла ему так по душе, захватывая все потребности его ума и сердца.

И вот на следующий год в Макателеме появилась молодая хозяйка. На вид еще совсем молодая, она была среднего роста, с правильным симпатичным лицом, большими карими глазами и огромной темной косой. Увлеченная деятельностью мужа, она всецело вошла в нее. Помогала ему и советом, и сама наблюдала за исполнением его предначертаний в его духе.

С одним не мирился она — это с его полным равнодушием ко внешнему укладу его жизни. Впрочем, еще до женитьбы он кое-что уже устроил: над первыми двумя избами, в которых он первоначально поселился, он построил еще две комнаты, в которые из сеней, превращенных в хорошую, светлую переднюю, вела не широкая, но удобная лестница. Теперь же, ввиду действительной необходимости расширяться, что было понято Натальей Васильевной, как вновь приехавшей, за передней был выстроен кабинет для хозяина, служащий зимой и столовой, а за кабинетом шла стеклянная галерея, ведущая в буфет, баню, комнаты прислуги и кладовые. Все это сделало внешний уклад жизни удобнее, как для прислуги, так и для самих хозяев. Полы были теперь сделаны паркетные, стены оштукатурены и убраны портретами. Молодая хозяйка была вполне довольна.

Так потекла жизнь в первые годы их счастья, вполне удовлетворяя их обоих. К сожалению, слишком равнодушное отношение хозяина к способу ведения хозяйства и доходности его со временем дало себя знать. С женитбой расходы увеличились, разные семейные события вызывали их все чаще в столицы, да и положение помещиков вообще становилось труднее. Большинство соседей не

любили Карамзина, считая его опасным либералом. Гораздо позднее он говорил: «Конечно, я был либералом. Я жаждал реформ, с ранней молодости мечтал об освобождении крестьян от крепостной зависимости, о праведном суде, о местном самоуправлении — но теперь, когда все это нам даровано государем, — я становлюсь настоящим консерватором и нахожу, что нам только осталось из-за всех сил добросовестно работать, чтобы все эти реформы были правильно — на пользу народа и во славу Божью введены на Руси».

Карамзин был глубоко религиозным человеком, проникнутым любовью и преданностью православной церкви. Он придерживался ее уставов, службы церковные посещал часто, постился во все посты и в среды и пятницы, но в дороге, если это стесняло хозяев, не считал грехом оскоромиться. Любовь к ближнему, как основная заповедь, завещанная нам спасителем, наполняла неизменно его сердце и лежала в основании всей его деятельности.

Наталья Васильевна по характеру своему была порывистая и даже экзальтированная. Всецело предалась она ведению и развитию всех начинаний своего мужа, но о практической стороне дела она вначале не имела никакого понятия. Александр Николаевич не был склонен сузить дело ввиду больших, требуемых для него средств. Средства же как раз в это время очень сократились. Началась Севастопольская кампания со всеми потребованными ей и от помещиков громадными жертвами — и в Макателеме наступил кризис. Больницы и школы существовали, но на ведение их средств, получаемых с имения, не хватало.

Родители Александра Николаевича в то время уже скончались; Наталья Васильевна состояния не имела. Единственным источником доходов был Макателем, а имение в Нижегородской губернии, даже очень значительное, для принесения доходов требовало упорного труда, направленного именно к достижению этой цели, как самой важной для существования всего остального. Дело в этом отношении было поставлено в Макателеме неправильно, и в трудную минуту это дало себя знать.

Пришлось делать долги. В конце войны с имения нужно было поставить еще известное число людей на ополчение. В ополчение же призывались и дворяне — Александр Николаевич, как бездетный, не счел себя вправе не идти на этот призыв. А Наталья Васильевна не согласилась отстать от него в его патристическом порыве. Она решила поступить в число сестер милосердия, которые впервые тогда, но уже так самоотверженно действовали среди наших раненых солдат-страдальцев.

Обеспечив займом и назначив будущие доходы с имения на поддержку основанных ими благотворительных учреждений, Карамзин уехал на юг. Дальше Киева, однако, ополчению не пришлось подвинуться: молодой государь наш остановил военные действия, и перемирие было заключено. В губернских городах стали собираться дворяне, умоляя царя не соглашаться на условия, предложенные нашими врагами. Одно из самых красноречивых воззваний было Нижегородское, написано всецело Александром Николаевичем Карамзиным и восторженно принято всем дворянским сообществом.

Государь благодарил всех за выраженные чувства, но решения своего не изменил, и мир был заключен. Вернувшись в собственный дом, Александр Николаевич первым делом обратил внимание на то, что за 20 верст от усадьбы, в лесах его, были открыты признаки нахождения железной руды, которой богаты и другие места Ардатовского уезда. Собрав образцы этой руды, он отвез их к специалистам в столицу. Все они признали образчики эти особенно богатыми как по содержанию, так и по составу железа, в них находящегося.

Среди добрых нижегородских знакомых Карамзиных был инженер Узатис, женатый на дочери сибирского золотопромышленника Бенердаки (?). Александр Николаевич обратился к нему, и по изучению местности оказалось, что она из самых богатых в тех краях как по пространству, так и по расположению пласта, содержащего руду.

К великой радости округа, дело тотчас загорелось. Руда, топливо и т. д., Карамзин, уменья Узатиса и капитал его жены, необходимый для оборудования дела, — все это соединилось, и был создан в очень скором времени Большой Ташинский завод. Карамзин и Узатис стали директорами его, и жизнь Александра Николаевича и Натальи Васильевны делилась впредь между Ташиним и Макателемом, где все стало снова процветать, шириться и расти, так как хозяева были убеждены, что из-за дорогих их сердцу учреждений и посланы им милостивым господом новые средства для поддержания. Обе усадьбы и все, существовавшие в них, превратились в царство любви и духовной радости.

Приблизительно с этого времени, т. е. с половины шестидесятых годов, я стала бывать в Макателеме и сознавала, что вряд ли есть где-нибудь такой образец истинно христианской жизни. Опрошения, которое появилось тогда в известных передовых кругах среди русской интеллигенции, не было никакого, хотя дядя стал носить везде русское платье, т. е. синюю шелковую, а летом белую вышитую красным рубашку-косоворотку, подпоясанную шелковым шнурком, черные суконные шаровары, мягкие сапоги и тонкого сукна, недлинный, русского покроя кафтан, а летом — такой же, но белый. Тетя также ходила иногда летом в сарафане, но когда она стала постарше, перестала его надевать. Муж же ее находил, что нет удобнее русского платья, и только приезжая в Петербург, как он говорил, «в Европу», — он облакался в европейский костюм. Мужская и женская прислуга в Макателеме также носила русское платье, но отношение всех к хозяевам было самое почтительное и вместе с тем близкое, любовное. Я, положительно, живя там целыми месяцами, не слышала дурного слова, ни брани, ни какого-либо крика, даже между служащими. Каждый был при своем деле, охотно исполняя его, причем все решалось сообща между хозяевами и служащими. Хозяева распоряжались, объясняя, как поступить, но без мысли о том, чтобы именно их воля была исполнена. Всякий мог возразить и высказать свой взгляд, если ему казалось возможным лучше устроить дело, и очень легко они приходили к общему согласию, так как самолюбие ни в ком не было затронуто. Опекаемые же — как больные, дети в приютах, так и старики в богадельнях,

столько видели сердечной заботы о них, что примирались со своими испытаньями.

Это казалось идиллическим, но вместе с тем при таких простых, естественных между всеми отношениях чувствовалось — нет, это не идиллия — это истинная христианская жизнь, такая, какой она должна быть среди всех христиан.

Бросая общий взгляд на жизнь Карамзиных в Макателеме, нельзя не обратить внимания на то, что у них не было детей. Будь они многодетными, возможно, они бы не решились поступиться всеми доходами, а в конце концов и почти всеми своим состоянием на пользу окружающего их народа. Но Александр Николаевич, можно сказать, не походил на обычных людей. В таких еще молодых годах, окруженный тем, что особенно ценится большинством людей, т. е. пользуясь большим успехом в свете, особенно положением из-за дружбы с наследником, цесаревичем, имея впереди, без сомненья, блестящую служебную карьеру, пользуясь хорошими средствами и окруженный даже сравнительной роскошью, — все это он, не задумавшись, бросил, когда совесть подсказала ему о другой, более отрадной душе его деятельности.

В самой простой обстановке повел он новую, избранную им жизнь, но это была жизнь среди народа, столь нуждающегося и в просвещении и в попечении о больных и во всякой заботе о нем. В письмах его к матери, которые я держала в руках, но лишь на несколько часов и которые затем, увы, пропали, — этот совсем еще юный человек удивительно ярко рисует эту жизнь. Такое чувствуется в них горенье духа, столько любви ко всему окружающему и такое полное удовлетворение жизнью, которую он вел в Макателеме.

Я забыла упомянуть о том, что план будущего дома был со временем совсем заброшен. Года три после женитьбы они как-то зараз пришли к мысли, что детей господь им не дает, — к чему же строить большой дом, когда им и в этом так хорошо живется. Очень красивая была у них высокая, четырехугольная оранжерея, пристроенная вилотную к боковой стене комнаты, где они жили.

В этот, можно сказать, зимний сад выходили окна из их гостиной, и тепличные растения, посаженные не в кадки, а просто в грунт, как всегда при этом условии, чудно разрастались и, достигнув второго этажа, наполняли комнату запахом цветущих растений — померанцев, олеандров и др. Но эта красота была лишь с одной стороны дома. С другой стороны вытянулись бесконечные невысокие пристройки, не имеющие никакого вида. Это был приют для детей, который вела Екатерина Ивановна, или просто Катя, молодая, очень маленькая ростом особа, обожающая своих воспитанников, держащая их в удивительном порядке и послушании, причем почти никогда она их не наказывала. «Что-то скажет Наталья Васильевна» — этого было достаточно, чтобы тотчас стали иными всякий шалун или шалунья.

За этой постройкой заворачивала другая, в которой находилась «слабосильная команда» под управлением Марьи Моисеевны, бывшей горничной тети. Это были полукалеки, плохо видящие, однорукие и т. п., из тех, что составляют обузу и часто очень страдают в кре-

стьянских семьях, особенно если хозяин не на высоте положения или сам плохой человек. Случайно узнав о тяжелом таком положении и убедившись в его безвыходности, Карамзины не могли не изъять такого человека из враждебной ему среды и не приютить у себя.

Еще тянулася в другую сторону пристройка. Это была небольшая богадельня для старух, случайно очутившихся на пути Карамзиных. Совсем одинокие, слабые, наполняли они отведенные им комнаты.

Однажды при нас пришли в сад, где мы сидели после обеда, доложить, что привезли попадью. «Какую попадью? Откуда?» — «Откуда-то издалека. Говорят, что привезли к вам. Не возьмете ли?»

Тетя, очень удивленная, встала и пошла к воротам, где в хорошей телеге, на сене, лежала почтенного вида старушка.

«Вот, сударыня, — рассказали двое сопровождающих ее, — это с нашего села матушка. Батюшка наш, старичок, помер. Сыну бы получить его место, да и того господь прибрал. Назначили к нам другого священника — издалека — много семейного. Житья нет у него старушке».

Привезенная вдовица только кивала головой в знак согласия со всей этой скорбной повестью, и слезы струились у нее по щекам. «Да оттуда-то, из села, верст за 60 от вас. Да наслышались мы об вашей милости. Думали, не покинете вы несчастливую». — «Нет, — говорит тетя, — это невозможное дело. Мы и не знаем вас. Как же это так: взять незнакомого человека? Да и верно ли вы все рассказали?» — «Матушка, да ведь не за горами наше село. Извольте новости справки — все сущая правда. А у вас и богадельня есть». — «Во-первых, богадельня полна, а затем, не могу же я поместить вдову священника среди крестьянок. Может быть, неприятных ей, старухе... Нет, это невозможно. Отдохните до завтра, а завтра пораньше поезжайте лучше к себе обратно, чтобы доехать до вечера».

Тетя вернулась и рассказала все это мужу и задумалась. Через несколько времени она обратилась к мужу: «К чему нам раздевальная комната около нашей бани? Ведь у нас ванна, и мы раздеваемся близ нее. А в раздевальне можно было бы все отлично устроить для этой попадьи».

Сказано — сделано. Все охотно принялись за работу. На другой день комната была готова, старушка помещена в ней, и восемь лет прожила она еще у Карамзиных, ежедневно молясь и благословляя бога милосердного за то, что так успокоил ее одинокую старость.

Для понимания их жизни скажу, что хотя детей у Карамзиных не было, но как раз в то время, когда материальное положение их так улучшилось, оказалось, что трое их троюродных племянников — также Карамзиных — остались круглыми сиротами. Тотчас явился к ним совершенно незнакомый им родственник и переселил их в Макаелем, их полюбили, окружили заботой. Со временем старшего, Александра, поместили в гимназию, второго, Володю, — в кадетский корпус; третий, маленький Коля, остался гораздо дольше у них.

Затем две дочери близкого родственника Александра Николаевича, отданные на воспитание нашему священнику в Женеве, О. Петрову, пришли в возраст, и неудобно было их

оставлять в Швейцарии. Карамзины им предложили приехать жить с ними. Помню, как и к нам в деревню они приезжали так — целой семьей. Девочки были очень умные, воспитанные и были совсем как родные дочери Карамзиных.

Настроение и вся духовная жизнь Карамзиных никогда не изменялись, но материальное положение их через несколько лет снова ухудшилось. На этот раз они не были этому причиной. Все железное производство в России испытывало тогда глубокий кризис.

Помню, как дядя приехал в Петербург с проектом сделки с Министерством государственных имуществ. Хлопотал, имел, конечно, доступ в высшие учреждения, но решился, наконец, бросить свои хлопоты. «Вижу, что проект мой мог бы осуществиться, если бы он кому-нибудь здесь принес большую пользу, но спасти наши заводы, ничего не потеряв, и из ничего не получив за это, — никого не интересует. Впрочем, — прибавил он, — обещают, что скоро будет изменение таможенного тарифа и что все мы тогда оживем».

В следующие годы их жизни я досуживалась иногда летом предпринимать путешествия в Макаелем. Эти путешествия были легкие, но с детства дороги моему сердцу. Ехали мы по железной дороге до Рыбинска, затем по Волге до Нижнего, затем на почтовых 150 верст до Арзамаса и еще 30 верст до Макаелема уже на карамзинском экипаже и на их лошадях. Общее настроение у них снова было идеальное, хотя материальные средства становились почти ничтожными. Из-за этого больницы, школы и, главное, богадельня на 70 человек были переданы земству.

Это был год борьбы земства с правительством. Все права, дарованные для самоуправления, были недостаточны. Старые заветы должны были все быть попорны — всякое наблюдение за правительственным расходом общественных сумм принималось за оскорбление общественных деятелей. Уроки религии едва допускались в школах. Каково было это видеть сыну историографа Карамзина, унаследовавшего высокий патриотизм своего отца. Проникнутый той же любовью к нашей великой святой Руси, он боготворил память отца, вполне понимая его мысли и взгляды, — он знал, что Николай Михайлович Карамзин еще в 1815 г. умолял императора Александра I не присоединять к своему царству Польшу и Варшаву — предоставить Австрии владеть ими, а к нам присоединить Галицию, родную нам и нашему народу.

Судьбы божии неисповедимы, и суждено было нам пережить все испытания, навлеchenные тогдашним разделом Польши. Но Александр Николаевич был прежде всего христианином. Всякое испытание считал для себя ниспосланным свыше, и путь был для него всегда ясен. И теперь, что значат люди, захватившие в свои руки его начинания и пытающиеся, по его мнению, их искверкать, — он с ними не ссорился, как всегда отличался полным спокойствием и шел своей дорогой, и все время, по мере своих сил, проводил то, что считал полезным для народа и для дела.

Он был тогда ардатовским предводителем дворянства. С величайшим терпением председательствовал на земских собраниях — выслушивал речи красных деятелей. Крестьяне же,

столько лет его знавшие и проникнутые уважением к нему и его словам, всегда были готовы поддержать его мнение. Да и само дело большей частью показывало практическую их.

Своих денег Александр Николаевич не жалел, но всегда горячо отстаивал народную копейку от излишней траты. Большую бучу подняла, однако, на собрании предложенная совсем неожиданно мысль его, — следя так близко за положением больных в их больницах, он и Наталья Васильевна страдали, видя плохой уход за ними сиделок, взятых среди крестьянок, шедших на эту должность не по призванию, а единственно по нужде. В Нижегородской же губернии, как известно с давних времен, существует очень много женских монастырей. Часто монахинь в нем насчитывают сотнями и доводят до тысячи. Карамзины через Викария московского преосвященного Леониды довели свою просьбу до известного митрополита Филарета — о принятии в рассуждение возможности дозволить монахиням, желающим предаться этому труду, ухаживать за больными в больницах, находящихся в селах и деревнях.

Довольно долго шла переписка об этом, но результат ее был благоприятен: высокопреосвященный митрополит не счит нужным запретить это начинание. И вот в больницах, где Наталья Васильевна была попечительницей, сиделки были заменены монашками.

Не знаю, была ли эта замена осуществлена в других больницах, но в карамзинских и ардамовских перемена была разительна. Обращение с больными из грубого стало ласковым и внимательным, одним словом, совсем в карамзинском духе.

В начале 80-х гг. Александр Николаевич стал ощущать первые признаки сердечной болезни.

Летом я была у них. Все шло по-прежнему, только средства самих хозяев стали самыми ограниченными.

Будущность Макателема стала очень озачивать Александра Николаевича, и он стал просить свою племянницу, графиню Клейнмихель, рожденную Мещерскую (сестра его отца, Екатерина Михайловна, была замужем за князем Петром Ивановичем Мещерским), приехать к ним, чтобы ознакомиться с Макателемом и решить, согласна ли она получить его в наследство со всеми лежащими на нем долгами. Несколько лет перед этим графиня получила очень большое наследство от брата Александра Николаевича — Владимира Алексеевича Карамзина, женатого на Александре Николаевне Дука, которая скончалась бездетной. Она оставила все свое состояние своему мужу в полную собственность.

Несколько раз графиня собиралась исполнить просьбу дяди, но будучи слабого здоровья, то уезжала лечиться за границу, то не чувствовала себя в силах предпринять это трудное путешествие из Курской губернии, где находилось полученное майоратное имение.

В 1887 г. лето было, в начале его, особенно дождливое, дороги стояли ужасные, местами даже непроездные. И вот в конце июня Карамзины получили телеграмму, что графиня решилась теперь же ехать к ним с четырьмя детьми, приверженной гувернанткой и прислугой и просит подо всех них выслать к такому-то числу экипажи в Нижний Новгород!

Можно себе представить, какой поднялся переполох. Телеграммой же было отвечено, что «счастливому приезду рады», но предупреждают, что дороги испорчены дождями. Получили ответ: «Радуемся свиданию, выезжаем!»

И вот в назначенный день приезжают эти дорогие гости, удивленные состоянием «большого тракта», но здоровые, довольные, и тотчас погружаются во все подробности макателемской жизни. Это пребывание продолжалось три недели. Графиня вникала в интересы всей жизни ее родственников и в Макателеме и на заводе. Дети ее учились и играли и делили занятия и веселье приютских детей. Пили чай и угощались; дети играли и веселились — пора было и расходиться. «Ну теперь, — сказал Александр Николаевич, — закончим наш праздник гимном за царя». Он встал и стал дирижировать хором. Приютские дети хорошо пели и три раза очень стройно пропели стоя наш дорогой гимн. Все были проникнуты общим, чудным настроением и под этим впечатлением возвратились домой. Тетя, уставшая от всего дня, пошла к себе прилечь и отдохнуть до ужина. Дядя с графиней перешли в кабинет, и он просил ее сказать ему откровенно, каково ее впечатление от этих трех недель их пребывания в Макателеме. Надо было знать, поняла ли она и финансовое положение Макателема, и согласна ли она взять его на себя. Графиня ответила, что сам Макателем им страшно понравился. «Обещаю вам, дорогой дядя, что заветы ваши не будут позабыты. Все будет сохранено и вестись как при вас и дорогой тете и в вашем духе. Я счастлива, что мои средства позволяют мне за это взяться, и чувствую, что мы уже полюбили и будем беречь и любить Макателем и все дорогие ваши учреждения».

Дядя был очень счастлив, благодарил ее от всего сердца, и они разошлись. Он пошел в свою комнату, но, умывая руки перед ужином, почувствовал себя плохо и сильно позвонил. Наталья Васильевна быстро приготовила лекарство и понесла его в галерею, куда прошел муж между тем. Он сидел в своем кресле. Она подала ему капли. Он немножко отпил их, но вдруг встал во весь рост, взглянул на образ спасителя, перекрестился большим крестом, сел, опустил голову на грудь, и все было кончено.

Прибежала графиня, все собрались, но его уже не было. Душа его уже отлетела к тому, кому он посвятил всю свою жизнь, воле кого шел всякий день, точно прислушиваясь к этой воле. И спокойно, бодро и в радости, и в горе неизменно следовал его заповедям.

Что только было в Макателеме — да и не только в Макателеме — за десятки верст — две, три недели сряду шел народ к нему на поклоненье, на прощанье, на молитву — пашихиды, службы целый день. Вот, можно сказать, «тропа народная не зарастала». Так глубоко понял и оценил Александра Николаевича народ русский.

И, не помню, 10-го или 14 октября получила я телеграмму о тихой кончине тети.

До 1917 г. графиня Клейнмихель свято исполнила данное Александру Николаевичу обещание. Но сохранилось ли дело Карамзинных там, на месте? Никто из нас в настоящее время этого не знает.

Дай бог, чтобы сохранилось!